

В. Я. ЕВСЕЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕРСИИ В РУНАХ

Одной из характерных особенностей поэтического синтаксиса рун является относительная распространенность инверсии, создающей, благодаря нарушению обычного порядка слов, ощущение необычности повествования, взволнованности диалога и вызывающей особые мелодические интонации.

Отсутствие специальных исследований освобождает автора от замечаний историографического характера.

Перед автором стоит задача отметить зависимость использования инверсии в рунах в конечном счете от идейно-эстетического содержания рассматриваемых эпических произведений.

В статье анализируются различные случаи инверсии, характерные для каждого сюжета рун.

Появляющиеся в традиционных рунах случаи необычного расположения дополнения, определения, подлежащего и сказуемого в предложении и случаи превращения ряда послелогов в предлоги рассматриваются в статье раздельно. В заключение определяется место инверсии в советских рунах карельских сказителей.

Важно отметить, что инверсионный порядок слов в стихе той или иной руны приводит в некоторых случаях к нарушению обычного стихотворного ритма и даже несколько нарушает благозвучие. Так, например, ритмический строй четырехстопного хорея явно нарушен в следующих стихах, взятых из разных рун:

Paino alla vienojen vesien KVR ¹ , I, 436	Погрузился под тихие воды
Eigo itku nais-inehmisen KVR, I, 9 a	Это — не плач женщины
Kynti juuret sampon KVR, I, 2134	Вспахал корни сампо
Polveh pyhän urohon KVR, I, 328	В колено святого героя
Silloin on hukka Lemminkäistä KVR, VII, 836	Тогда — гибель Лемминкяйнена
Mene maksakse merimatikan КЭП ² , 76	Иди, превратившись в печень морского налима.

¹ KVR — Suomen kansan vanhat runot I—XIII. Helsinki, 1908—1948.

² (КЭП) — Карельские эпические песни. М.—Л., 1950.

Между тем, соответствующие этим стихам, но не инверсионно построенные стихи других вариантов этих рун в ритмическом, а также мелодическом отношении значительно более благозвучны. Приведенные примеры могут служить подтверждением зависимости появления инверсии не только от стремления сохранить определенный ритмический строй и соответствующее благозвучие в руне, но и от причин иного, эмоционального порядка. В последнем из вышеприведенных примеров наблюдается сочетание хореческой и дактилической стоп, тогда как тот же стих без инверсии

Mene merimatikan maksaksi

давал бы более ритмически выдержанный переход от двухстопного хоря к двухстопному дактилю.

Нередко одни и те же стихи в разных вариантах рун имеют то обычный, то инверсионный порядок слов. Например, некоторые стихи в различных вариантах рун содержат слово *alla* — «под» то в качестве предлога, как это принято в русском языке:

Vilu on olla alla viltin	Холодно быть под одеялом
Alla seinän seisomaan	Под стеной стоять,
KVR, I, 491	

то, как в живой речи карел и финнов, в качестве послелога:

(буквально):¹

Vilu on olla viltin alla	Холодно быть одеялом под
Seinän alla seisomaan	Стеной — под стоять.
KVR, V, 438 а, 449	

Слово *päällä* — «над» также встречается то в качестве предлога, то как послелог:

Päällä lieto Lemminkäisen	Над хитрым Лемминкяйненом
KVR, II, 223 а	
Lieto Lemminkäisen päällä	Хитрым Лемминкяйненом — над.
KVR, II, 192 а	

Это же можно сказать и в отношении других послелогов.

Вопреки нормам бытовой речи карел и финнов, генитивное определение (как и в русском языке) в языке рун выступает подчас после определяемого слова. В таких случаях явно нарушается ритм стиха.

Kynti juuret sammon	Вспахал корни сампо.
KVR, I, 2134	

В других вариантах тот же стих встречается без инверсии, с выдержанной ритмической структурой и аллитерацией:

Jop' on kynti sammon juuret	Вспахал сампо корни.
KVR, I, 58	

Колебание между обычным и необычным порядком слов отмечается и в таких стихах разных рун, как

Selässä sinisen hirven	На спине синего лося
KVR, I, 49, 105, 122, 2134	

¹ Здесь и дальше в переводах цитат из рун на русский язык сохранен порядок слов оригинала.

Soitantoa on Väinämöisen KVR, I, 649	Игру Вяйнямейнена
Hampahista hauvin suuren KVR, VII, 604, 610, 627	Из зубов огромной щуки
Piän varalla Lemmingäisen KVR, I, 786, 781, 702, КЭП, 45, 64	На голову Лемминкяйна.

В других вариантах тех же рун соответствующие стихи сохраняют обычный для карельских и финских диалектов порядок слов:

Sinisen hirven selässä KVR, I, 43	Синего лося на спине
Väinämöisen soitandoa KVR, I, 591, VII, 583, 590, 591	Вяйнямейнена игру
Suuren hauvin hampahista KVR, VII, 561, 567, 602	Огромной щуки из зубов
Lemminkäisen piän varalla KVR, I, 754, II, 201, 193, 190, 186	Лемминкяйна на голову (генитив, а не датив).

В отдельных же вариантах руны о Лемминкяйнене два параллельных стиха благодаря колебанию порядка слов в них дают палилогическое повторение обеих синтаксических конструкций:

Lemminkäisen peän varalla Peän varalla Lemminkäisen KVR, I, 792	Лемминкяйна на голову, На голову Лемминкяйна.
---	--

Такое колебание между инверсией и обычным порядком слов, очевидно, зависит от того, что одни рунопевцы стремятся повествовать в эпически более спокойном тоне, другие, чаще сталкиваясь с иноязычной средой, иногда используют инверсию для выражения своей взволнованности и для речевой характеристики героев рун.

* * *

В рунах на разные сюжеты можно условно наметить два основных типа инверсии: инверсии, необычные для прозаической речи карел и финнов, но приближающиеся к русским фразеологическим конструкциям, и инверсии, которые одинаково необычны как для прозаической речи карел и финнов, так и для бытового русского языка, но употребительны в русской народной поэзии.

Анализ конкретных случаев инверсии в рунах на разные сюжеты показывает, что в обоих случаях использование необычных конструкций объясняется стремлением приблизить порядок слов в рунах к синтаксическим особенностям русской речи. Исторически сложившееся двуязычие ведет к тому, что для создания высокого поэтического стиля, необходимого для выражения взволнованности, возбуждения и других эмоций, используется порядок слов русского языка. Такие фразеологические конструкции были знакомы и в то же время необычны.

Прежде чем перейти к более детальному обзору тех случаев инверсии, которые относятся к первому типу и выражаются в постановке генитивного определения после определяемого слова, целесообразно рассмотреть относящиеся к тому же типу случаи превращения послелогов в предлоги.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на предложениях типа *läri* — «насквозь» (например, KVR, I, 58), *uträgi* — «кругом» (KVR, I, 615), т. к. они выступают в качестве предлогов не только в языке рунов, но и в прозаической речи карел и финнов. Такого рода предлоги, «связывающиеся с генитивом, являются по происхождению послелоговыми, утратившими первоначальное место в цепи слов, что ясно из возможности употребления очень многих предлогов этого типа и как послелогов»¹.

В данной связи более интересным представляется анализ таких предлогов, которые в повседневном языке карел и финнов выступают только как послелоговые.

Иногда в параллельных стихах отдельных рунов рядом появляется несколько предлогов, которые в прозаической речи карел и финнов выступают как послелоговые.

Ajo päin sinistä mertä,
Kohti kuohuja kovia,
Alla ualtojen syvien,
Piällä mustien murien

Ехал к синему морю,
К водоворотам бурным,
Под волнами глубокими,
Над черным илом.

Очевидно, причина превращения послелоговых в предлоги кроется в сложных процессах воздействия русского языка (имеющего предложную систему согласования слов в предложении) на поэтический язык рунов, а в случае с предлогами типа *läri* — «насквозь», *uträgi* — «кругом» и вообще на прозаическую речь карел и финнов.

Тысячи примеров можно извлечь из текстов рунов, где в качестве предлогов выступают следующие их соответствия, остающиеся во всех карельских и финских диалектах послелоговыми: *alla*, *alle* — «под», *alta* — «из-под», *päällä* — «над», *päälle* — «на», *päähän*, *luoksi* — «к», *kanssa* — «с», *kerä* — «с», *eessä* — «перед», *vasten* — «напротив», *vierehen* — «к», *vieressä* — «около», *kautta* — «через», *päin* — «к», *asti* — «до» и т. д. Особенно часто соответствующие предлоги образуются из послелоговых *alla*, *alle* — «под»:

Alla raskahan ikensä,
Alla vaskivaltikkansa
KVR, XIII, 1499

Под тяжелым игом,
Под медным забралом

Alla maan makkaamaa
KVR, V, 443

Под землей спать

Ahramia alla kaaren
KVR, I, 473 a

Остроги под дугой

Alla kuoreni simoa
KVR, VII, 340

Под моим дном медовым

Tuoho alla Lemmingäizen
KVR, I, 716

Туда под Лемминкяйнена

Alla tammen tasalatvan
KVR, I, 16

Под дубом с ровной верхушкой

Alle ahjon Ilmarisen
KVR, I, 473 a

Под горнилом Ильмаринена

Alle vallin valkiaisien
KVR, IV, 4030

Под валом белым

Alle linnan ammuttihin
KVR, VII, 889

Под замком застрелен.

¹ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. М.—Л., 1955, стр. 166.

Особо нужно отметить, что в предлог превращается также и аблативно-оформленный послелог *alta, alda* — «из-под»:

<i>Alta aaltojen syivistä</i> KVR, VII, 170	Из-под глубоких волн
<i>Alta vanhan Väinämöisen</i> KVR, I, 54	Из-под старого Вяйнямейнена
<i>Tuosta alda Lemmingäizen</i> KVR, I, 716	Тут из-под Лемминкяйнена.

Равным образом, благодаря инверсии, в позиции предлогов выступают в разных рунах типичные послелогои *räällä, räälle* — «над», «на»:

<i>räälle paian palttinaisen</i> KVR, I, 473 a	Над рубахой полотняной
<i>räälle nuoren Joukahaisen</i> KVR, I, 185, 188	Над молодым Еукахайненом
<i>Päälle pehmeiden mutien</i> KVR, VII, 170	Над мягким илом
<i>Päälle lau'an laulamaan</i> KVR, V, 481	Над доской петь
<i>Päällä vanhan Väinämöisen</i> KVR, I, 54	Над старым Вяйнямейненом
<i>Päällä luokin Väinämöisen</i> KVR, I, 58	Над дугой Вяйнямейнена
<i>Tuoho piällä Lemminkäisen</i> KVR, I, 716	Туда над Лемминкяйненом.

Та же основа слова с иллативной формой *räähän* — «к» в языке рун также оказывается объектом инверсии:

<i>Päähän saaren terhenisen</i> KVR, I, 647, 473 a	К острову мглистому
<i>Päähän pielen Väinämöisen</i> KVR, I, 54	К косяку Вяйнямейнена.

Но иногда, подобно тому, как и в прозаической речи карел и финнов, слово *räähän* — «к», «в направлении к» остается послелогом (KVR, I, 9a).

Выступающий почти в том же значении другой карельский послелог *luokse* — «к» также может превратиться в предлог.

<i>Mäni luoksi uuvan purgen</i> KVR, I, 615	Пошел к новой лодке
<i>Luoksi Väinön tyttären</i> KVR, I, 252	К Вяйне — дочерям
<i>Luoksi sepon Ilmarisen</i> KVR, I, 54	К кузнецу Ильмаринену
<i>Luokse vanhan Väinämöisen</i> KVR, 649	К старому Вяйнямейнену.

Финский послелог *kanssa* — «с» и карельский *kega* — «с» выступают как предлоги в следующих стихах карельских рун:

<i>Kanssa vanhan Väinämöisen</i> KVR, I, 170	Со старым Вяйнямейненом
<i>Keга tauin tappelohon</i> KVR, I, 1272	С болезнью воевать.

В позиции предлога выступает в рунах и послелог *eessä* — «перед».

<i>Eessä lieto Lemminkäisen</i> KVR, I, 223	Перед хитрым Лемминкяйненом
<i>Eessä vaskisen jumalan</i> KVR, VII, 435	Перед медным богом.

Можно отметить аналогичный процесс превращения в предлоги карельских и финских послелогов: *vasten* — «напротив», *vierehen* — «к», *vieressä* — «около», *kautta* — «через», *päin* — «к», *asti* — «до».

<i>Vasten mertä hyyännettä</i> KVR, I, 54	Напротив моря утихшего
<i>Vierehen kalan punasen</i> KVR, I, 281	К рыбе красной
<i>Vieressä veno punasen</i> KVR, I, 339	Около лодки красной
<i>Kautta kaunalon vasemman</i> KVR, I, 54, 649, 2134	Через подмышку левую
<i>Ajo päin sullaa merta</i> KVR, V, 371	Ехал к талому морю
<i>Astuu asti aamusehen</i> KVR, IV, 3856	Шел до утра.

Случаи превращения разных послелогов в предлоги, как уже отмечено, чрезвычайно многочисленны и не могут быть охвачены кратким обзором. Но уже на основе приведенных примеров можно сделать вывод о том, что такого рода инверсия развивается в какой-то связи с влиянием фразеологических особенностей русского языка. Это касается всех послелогов, связанных с генитивом, как тех, которые в прозаической речи карел и финнов уже превратились в предлоги, так и тех, которые становятся предлогами лишь в поэтических произведениях, оставаясь в прозаической речи типичными послелогом.

Анализ других случаев инверсий целесообразно провести в несколько ином плане. Попытаемся показать, что идейно-эстетическим содержанием рун определяется различное соотношение случаев инверсии. Так, в рунах на разные сюжеты, записанных от разных сказителей, можно отметить различное количество случаев постановки генитивного определения после определяемого слова и, с другой стороны, случаев, согласно которым инверсия образуется в результате постановки номинативного или иногда эссивного определения в то же синтаксическое положение.

Например, из 402 стихов севернокарельской руны о Сампо, записанной от А. Перттунена (KVR, I, 54), инверсия первого типа, т. е. инверсия, приближающаяся к конструкции, употребляемой в русской бытовой речи, содержится в 17 стихах, а инверсия второго типа — в 19 стихах. Из случаев инверсии первого типа в этой руне (кроме превращения послелогов в предлоги, о чем уже говорилось) отметим:

<i>Tämä on itku Väinämöisen,</i>	Это плач Вяйнямейнена,
<i>Urajanta Untamoisen...</i>	Стон Унтамойнена...
<i>Maiosta mahovan lehmän...</i>	Из молока яловой коровы...
<i>Portit Pohjolan näkyvi.</i>	Ворота Похьолы видны.
KVR, I, 54	

В большинстве текстов руны о Сампо, как впрочем и в записях рун на другие сюжеты, основной особенностью инверсии является то, что, вопреки требованиям синтаксиса прозаической речи карел и финнов, генитивное определение выступает, как в русском языке, после основного слова.

Из других вариантов руны о Сампо можно также отметить стихи с инверсией первого типа:

Eigo itku nais-inehmisen KVR, I, 9 a	Это не плач женщины
Tuli tuska Väinämöisen, Pakko gaavahan urohon KVR, VII, 680	Пришла печаль Вяйнямейнена, Неволя к пожилому герою
Peähä polven Väinämöisen KVR, I, 58	На колено Вяйнямейнена
Renki vanhan Väinämöisen KVR, I, 63 b	Батрак старого Вяйнямейнена.

Поучительно сопоставить с этими примерами другие случаи инверсии, условно относимые нами ко второй группе, то есть такие конструкции, в которых порядок слов одинаково необычен как для прозаической речи карел и финнов, так и для повседневного русского языка, но употребителен в русской народной поэзии. Сюда относятся, в частности, стихи уже отмеченного варианта руны о Сампо, записанного от Архипа Перттунена.

Orihilla olkisella...	На жеребце соломенном...
Taannoista talvisista...	Отковки зимней...
Aisoilla vaahterisilla...	На оглоблях кленовых...
Päivänä kolmantena...	На день третий...
Miekkansa omansa...	Мечом своим...
Sormella nimettömällä...	Пальцем безымянным...
KVR, I, 54	

Некоторое количественное преобладание инверсии второго типа над случаями инверсии первого типа имеется и в севернокарельской руне о состязании Вяйнямейнена и Ильмаринена в сватовстве, записанной от сына Архипа Перттунена — Михаила Архиповича Перттунена (KVR, I, 473 a). Из 384 стихов этой руны только десять стихов дают инверсию первого типа, тогда как 25 стихов содержат инверсии второго типа. Отметим, например, такие стихи с инверсией первого типа:

Nenähän utuisen niemen...	На мыс туманного полуострова...
Kun on pursi Väinämöisen...	Если это лодка Вяйнямейнена...
Otsahan pyhän orihin...	На лоб священного жеребца...
KVR, I, 473 a.	

В других севернокарельских записях руны о состязании в сватовстве также встречаются стихи с инверсией первого типа:

Muoduo hyvän molotsan KVR, I, 436	Облик доброго молодца
Veli sepon Ilmarisen KVR, I, 469	Брат кузнеца Ильмаринена
Akka Pohjolan sanouve, Ukko Pohjolan sanouve KVR, I, 442	Старуха Похьолы говорит, Старик Похьолы говорит
Ulkopuolen Uuven linnan,	С наружной стороны Нового города,
Maapuolen meri saloo KVR, I, 478	У моря со стороны суши
Lukki linnan lulletteli KVR, I, 481	Страж крепости тьявал.

Приведем некоторые примеры инверсии второго типа о состязании в сватовстве в руне, записанной от М. А. Перттунена.

Vuosin kolmin kosjottusi...	Года три сватанная...
Halkosilla pienosilla...	Дровами мелкими...
Kattilalla pienosella...	Котлом маленьким...
Pani paian palttinaisen...	Одел рубаху полотняную...
Vakoeli maan matoisen	Вспахал землю змеиную
Auralla tuliterällä...	Сохой с огромным лемехом...
Melan vaskisen varahan,	На руль медный опирался,
Kokan kultasen pojahan	На корму золотую уселся.
KVR, I, 473 a	

Подобная инверсия и во многих других стихах этой руны.

В записях же этой руны от других сказителей необычный порядок слов не выдерживается. Например, стиху руны М. А. Перттунена.

Kassa kulta kuumennosta	Коса золотая из горнила
KVR, I, 473 a	

в других записях соответствует:

Kulda kassa kuumoksesta	Золотая коса из горнила.
KVR, I, 442	

Количественное преобладание случаев инверсии второго типа имеется и в севернокарельской руне о поимке Вяйнямейненом девы-лосося. Так, в записи этой руны от современной сказительницы Т. А. Перттунен из 73 стихов (КЭП, 57) только в двух стихах встречается инверсия с приближением к русским бытовым синтаксическим нормам, а для 9 стихов характерна инверсия второго типа. Например:

Astuupi rannalla meren	Шагает на берег моря
57	
Onkiessa Väinämöisen...	Когда удил Вяйнямейнен...
Veits' on vyöllä Väinämöisen	Нож — на поясе Вяйнямейнена
KVR, I, 268	
Venehestä Väinämöisen	Из лодки Вяйнямейнена.
KVR, I, 272.	

Однако известны и такие записи севернокарельской руны о старом Вяйнямейнене, в которых случаи инверсии первого типа преобладают над случаями инверсии второго типа. Например, из 103 стихов одного варианта руны о состязании в пении, записанного от рунопевца А. Малинена (KVR, I, 185), в восьми стихах выявляется инверсия, дающая сближение с нормами русского языка, и лишь два стиха относятся к инверсии второго типа.

Инверсия первого типа появляется, например, в следующих стихах этой руны:

Kaarta taivon kantaissa,	Дугу неба пронося,
Pieltä ilmon pistäissä...	Косяк в небосвод вставляя...
Kainalosta kangahaisen...	Из недр (буквально — из-под мышки) бора...
Laulo koiran Joukahaisen...	Наколдовал собаку Еукахайнена...
Laulo jousen Joukahaisen...	Напел лук Еукахайнена...
Laulo nuolen Joukahaisen...	Напел стрелу Еукахайнена...
Annan kultia kyperän	Выдам золота полный шлем.
KVR, I, 185	

В 241 стихе другого севернокарельского варианта руны об игре Вяйнямейнена на кантеле инверсия второго типа встречается всего в четырех стихах, тогда как порядок слов, характерный также и для русского языка, имеется в 11 стихах той же руны, в том числе в стихе:

Läksi ettsoho heposen... Пошел искать коня...
KVR, I, 649

Такая же конструкция этого стиха сохраняется и во многих других вариантах этой руны (KVR, I, 635, 621; VII, 625).

Вместе с тем, в ряде стихов этой руны наблюдается колебание между необычным и обычным порядком слов. Например, в некоторых записях появляется стих с инверсией:

Virttä Väinön kuulomaha Песню Вяйне слушать.
KVR, I, 657, 664

Но в ряде других вариантов обнаруживаются такие же стихи с типичным для прозаической речи карел и финнов порядком слов:

Väinön virttä kuulomaha (буквально):
KVR, I, 664 Вяйне песню слушать.

Впрочем, для многих других стихов этой руны характерна более устойчивая инверсионная структура, как например, в стихах:

Puuttui pursi Väinämöisen, Наскочила лодка Вяйнямейнена,
Veno tietäjän takeltu Лодка заклинателя застряла

KVR, VII, 611, 619, 625 a
Hivuksista hiien vaimon, Из волос бесовой жены,
Napsista pahan emännän Из локонов плохой хозяйки
KVR, VII, 625

Jouhet juoksijan hevosen Волосы бегущего коня
KVR, I, 661

Anna juosta puisen purgen Пусть мчится деревянная лодка.
KVR, I, 650

Преобладание случаев инверсии первого типа имеется и в ряде записей севернокарельской руны о ранении колена Вяйнямейнена. В одном из вариантов этой руны (KVR, I, 328) из 79 стихов лишь 7 содержат инверсию второго типа, тогда как инверсия первого типа имеется в 11 стихах, например:

Polveh pyhän urohon, В колено святого героя,
Varpahahko vanhan Väinön, В палец старого Вяйне,
Kuntehe Kalevan poijan В ноготь Калевы сына.
KVR, I, 328

Значительное количество случаев инверсии первого типа встречается в карельской руне о посещении Вяйнямейненом Туонелы:

Suusta Tuonen neitosilta Из уст девушек Туони
KVR, I, 357

Lapset lauttoa Manalan... Дети — плот Маналы...
Kuntehe kesäoravan В коготь летней белки
KVR, II, 114

Karpassuo kapo Manalan Баркас девы Маналы
KVR, I, 361 a

Lapset Kalman kalkehtiu Дети Кальмы говорят.
KVR, I, 361, КЭП, 47

Впрочем, последний стих иногда варьируется как *Kalman lapset* — «Кальмы дети» (KVR, I, 361 а), то есть появляется с обычным для речи карел и финнов порядком слов.

Аналогичные случаи инверсии можно отметить в карельской руне об Антеро Випунене. Из 43 стихов одного севернокарельского варианта этой руны два стиха относятся ко второму типу инверсии, а четыре стиха дают сближение с обычной русской конструкцией:

<i>Kitaha kuollehen urohon,</i>	В пасть умершего героя,
<i>Vaccah valkoruumihin.</i>	В живот бледного тела.
<i>Piäsi vacasta Vipusen,</i>	Освободился из живота Випунена,
<i>Maksoissa muaha männehen.</i>	Из печени ушедшего в землю.

КЭП, 6 (сравн. KVR, I, 396, 634; VII, 631 и т. д.)

Итак, во всех севернокарельских рунах о старом Вяйнямейнене взволнованность рунопевца и речи героев руны выражается инверсией первого типа, сближающей язык руны с необычными для карельского и финского языков синтаксическими нормами русского языка.

Целесообразно проанализировать также случаи использования инверсии в рунах о других героях эпоса — о Лемминкяйнене и Куллерво.

Варианты карельской руны о поездке Лемминкяйнена в Пяйвелу содержат значительное количество примеров инверсии обоих типов. Так, в одной из севернокарельских записей руны на этот сюжет (KVR, I, 716) из 233 стихов к первому типу инверсии относится 12 стихов, а ко второму — 14. Помимо стихов, в которых послелогические превращены в предлоги (о чем выше уже говорилось), из случаев инверсии первого типа можно отметить например:

<i>Veitikka nenässä niemen...</i>	Вейтиikka на мысе полуострова...
<i>Ei ole kuoloma urosten...</i>	Это — не смерть героев...

KVR, I, 716

В том же варианте руны инверсия второго типа с постановкой номинативного, а иногда и эссивного определения после определяемого слова встречается, например, в следующих стихах:

<i>Kutsu Veitikka verövä...</i>	Зови Вейтикку краснощекого...
<i>Poiguoni ainuoni...</i>	Сынок мой единственный...
<i>Mado musta, muan alane,</i>	Змея черная, подколодная,
<i>Kulgija kulon alane...</i>	Ползущая по закоулкам...
<i>Piänä kolmandena...</i>	На день третий.

KVR, I, 716

Однако в разных записях руны о Лемминкяйнене не менее часто появляется инверсия первого типа, дающая такую постановку генитивного определения после определяемого слова, которая, будучи необычна для речи карел и финнов, фразеологически соответствует нормам русского языка. Таковы, например, стихи отдельных записей этой карельской руны:

<i>Tuossa keässä Lemminkäisen</i>	В той руке Лемминкяйнена
KVR, II, 196	
<i>Sanoi äiti Lemminkäisen</i>	Сказала мать Лемминкяйнена
KVR, I, 744 B	
<i>Tuli lyöntö Kaukomielen</i>	Пришел черед для удара
KVR, I, 729	Каукомиэли
<i>Piässä sillan Pohjolan</i>	На конце моста Похьолы.
KVR, I, 784	

Разумеется, в случаях инверсии первого типа сближение с русским языком не является целью, преследуемой рунопевцем. Частично владевшие русским языком и знакомые с фразеологическими особенностями этого языка карельские рунопевцы могли не сознавать того, что в ряде случаев они приближаются к соответствующим русским синтаксическим конструкциям. Однако при речевой характеристике героев рун их возбужденное состояние могло и вполне преднамеренно выражаться при помощи инверсий первого типа.

Пока Лемминкяйнен изображается в состоянии относительного душевного равновесия, до тех пор его речь остается синтаксически правильно построенной, как например, в его обращении к жене:

Tuo, nainen, torisopani,	Принеси, жена, доспехи,
Kanna vaino vaatteeni.	Неси одежду скитальца,
Lähen Hiitolan pitoihin,	Пойду на пир Хийтола,
Siniverka-juominkihin	На попойку синеблужников.
KVR, VII, 836	

Но когда, собравшись в опасное путешествие в Пяйвелу, Лемминкяйнен предупреждает свою жену, что если кровь потечет из гребенки, то значит он попал в беду, — взволнованность героя в том же варианте руны выражена в инверсии:

Suka kun verta vuotanevi,	Гребенка когда кровью истечет,
Silloin on hukka Lemminkäistä,	Тогда — гибель Лемминкяйнена,
Pillo poikoa pätöä!	Погибель сына пригожего.
KVR, VII, 836	

Беспокойство матери Лемминкяйнена, возникающее в связи с опасностями, подстерегающими героя в пути, выражается, например, в необычном порядке слов стиха:

Suuhun Untamon susien	В пасть Унтамо-волков.
KVR, VII, 836	

Поиски сына приводят мать Лемминкяйнена в Туонелу, и здесь она, согласно тому же варианту руны, в возбужденном состоянии обращается к пастуху в мокрой шляпе. Взволнованность ее снова передается инверсией:

Jos et sano Lemminkäistä,	Если не укажешь Лемминкяйнена,
Rikon ukxen uuen riihen	Сломаю двери нового гумна.
KVR, VII, 836	

Обеспокоенность матери Лемминкяйнена звучит также в иносказательном предложении сыну:

Mäne maksakse meri matikan	Иди, превратившись в печень
КЭП, 76	морского налима.

Тревога матери за участь сына выражена и здесь инверсией, сближающей конструкцию этой фразы с бытовыми синтаксическими нормами русского языка.

Заметное место занимает инверсия и в карельской руне о соблазнении сестры Куллерво, сына Калевы (или иногда сына Кейретуйнена-Гуйретуйнена). Например, в одном севернокарельском варианте этой руны (КЭП, 85) из 128 стихов — многократно повторяющиеся в нем 28 стихов дают инверсии первого типа. Кроме того, в ряде стихов этой руны встречаются случаи превращения послелогов в предлоги, и всего лишь в 6 сти-

хах употреблена инверсия второго типа. Однако и тут имеется колебание в порядке слов в следующих стихах этой руны:

Lienetko rotuo suurta?..	Будешь ли ты рода великого —
En ole suurta rotuo.	Не буду я великого рода.

КЭП, 85

Инверсия первого типа отмечается и в карельских рунах о Куллерво, сыне Калевы, и во многих рунах на другие сюжеты:

Syötih kagranen Kalevan...	Съели овес Калевы...
Hävitti rovun Kalevan...	Уничтожил род Калевы...
Ainoa poika Kalevan...	Единственный сын Калевы...
KVR, II, 234	
Kaskeksi Kalervon poian,	Подсекой Калервы-сына,
Ajavaksi aimo-miehen.	Срубленной большим мужем
KVR, I, 952	
Veristä Kalevan pojan	Из крови Калевы-сына
KVR, VII, 924	
Kalhuilla pojan Kalevan	На лыжах сына Калевы
KVR, I, 865	
Pihah Hiijen Hittolaisen	На двор Хийси Хиттолайнена
Sorkissa sotiheposen,	Под ногами воинского коня,
Kapehissa vainovarsan	Под копытами воинского жеребца.
KVR, I, 1103; II, 330	

Инверсии обоих типов встречаются и в записанных среди финнов и ижор рунах на разные сюжеты.

Отметим лишь некоторые, не встречавшиеся выше примеры необычного порядка слов в стихах различных финско-ижорских рун. Например, из 159 стихов одного финско-ижорского варианта руны о ссоре Унтамо и Калерво (KVR, IV, 4030) два стиха относятся к инверсии первого типа и восемь стихов к инверсии второго типа, в частности:

Mies köyhä vähäväkinen.	Мужчина бедный маломощный...
Miehet naimattomat...	Мужчины неженатые...
Airoilla hopeaisilla...	На веслах серебряных...
Venosessa kultasessa...	В лодке золотой...
Venehesen vuotavahan	В лодку протекающую.
KVR, IV, 4030	

Наряду с такими случаями инверсии второго типа в финско-ижорских рунах можно отметить и случаи инверсии первого типа. Приведем стихи из двух разных финско-ижорских рун — о хворой девушке и об Отечественной войне 1812 года:

Maalla Saksan sairasteli	На земле немецкой хворала
KVR, IV, 470	
Verellä oman väjensä...	Кровью своих сил...
Suussa surman surkiampi...	В устах смерти жалкой...
Miehet luonnosta isien...	Мужчины из обителя отцов...
Kuuluu kutsu keisarimme	Слышен зов нашего царя.
KVR, XIII, 1499	

Сравнительно более редкое, чем в карельских рунах, использование инверсии первого типа в финских рунах, возможно, объясняется тем, что карелы, в силу ряда исторических причин, чаще, чем финны, общались с русскими и лучше знали синтаксический строй русского языка.

Если в большинстве отмеченных выше случаев наблюдается лишь частичное сближение с русскими синтаксическими нормами, то в отдельных стихах рун оно становится последовательным, выражающимся в согласовании трех слов стиха. Например:

Peähä polven Väinämöisen KVR, I, 266	К колену Вяйнямейнена
Päähän purren Väinämöisen KVR, VII, 679	В лодке Вяйнямейнена.

Встречаются и такие случаи инверсии, в которых необычный порядок слов никакого сближения со строем соответствующих русских предложений не дает:

Tulovi susija joukko KVR, I, 809	Приходит волков стая.
-------------------------------------	-----------------------

Инверсионный порядок слов этого предложения в прозаической речи карел *tuloo joukko susie* — «приходит стая волков», наоборот, значительно ближе к порядку слов в соответствующем русском предложении. Однако такие случаи инверсии в рунах единичны и поэтому не опровергают общую закономерность развития этого поэтического средства в рунах.

Случаи инверсии, согласно которым синтаксически согласованные между собой слова перестают быть смежными словами, также чрезвычайно редки. Их можно считать поздними, случайными образованиями, и они не играют особой роли в поэтическом стиле народной эпической поэзии карел и финнов.

Итак, из разнообразных случаев инверсионных конструкций особый интерес в данной связи представляют те случаи необычного для прозаической речи карел и финнов порядка слов, в которых генитивное определение (подобно тому как и в русском языке) выступает после основного слова.

Вместе с тем, при изучении инверсии необходимо было учесть и многочисленные случаи такого порядка слов, согласно которому определение, оформленное не в генитиве, а в других падежах, также выступает после основного определяемого слова. Такая инверсия появляется, как уже отмечалось, например, в стихе *halkosilla pienosilla* — «дровами мелкими» и т. д. Нетрудно заметить, что такого рода инверсии типичны и для произведений русской народной поэзии.

Итак, в зависимости от идейно-эстетического содержания, от эмоционального наполнения отдельных стихов, в рунах на разные сюжеты чаще всего используются инверсии разных типов. Идеино-эстетическим содержанием рун, в конечном счете, определяется и то, что в рунах на одни сюжеты инверсия почти совсем не используется, в рунах же на другие сюжеты можно отметить более частое появление инверсии разных типов.

В то же время, в зависимости от наклонностей сказителя, степень использования инверсии в руне может колебаться. Однако в целом можно утверждать, что руны на сюжеты, оформившиеся в поздние периоды развития эпоса, содержат большее количество случаев инверсии первого типа, чем руны на более древние сюжеты.

Разумеется, инверсия могла возникнуть в рунах уже в глубокой древности и первоначально совпадение порядка слов с русскими фразеологическими конструкциями могло быть случайным. Но, очевидно, позднее повторяемость таких случаев привела к возникновению закономерности в использовании необычного для бытовой речи карел и финнов и свойственного русскому языку порядка слов в качестве одного из приемов высокого поэтического стиля рун.

Все анализированные выше случаи необычного, инверсионного порядка слов в стихах сказываются в интонации, в расстановке пауз, в повышении и понижении тональности голоса. Все это проявляется в мелодии и служит важным средством достижения выразительности эпического текста.

Инверсия не является исключительной принадлежностью устной поэзии карел и финнов; она играет заметную роль также и в устно-поэтических произведениях многих других народов, в частности, народа манси¹ и эстов² и других финно-угорских народностей. Так, например, в эстонских лиро-эпических песнях также можно обнаружить случаи превращения послелогов в предлоги:

Kolmas päevaks pääle ilma... äräs astu pääle hauva... alla holma haljas mooka... ³	Третий солнцем над вселенной... Некий шагнул над ямой... Под полой по дешевке продаст...
---	--

В тех же эстонских народных песнях отмечаются примеры инверсии других типов. Например, в стихе эстонской руны о кантеле:

Neiu puore juuksi'ista ⁴	Из волос девушки молодой,
-------------------------------------	---------------------------

или в стихе эстонской песни о большом быке:

Sada sülda sarved pikad ⁵	В сто сажен рога длинной.
--------------------------------------	---------------------------

Такие же случаи инверсии имеются в произведениях устной поэзии и других финно-угорских народов.

* * *

Большинство случаев инверсии в рунах сложилось сравнительно поздно, когда появилась возможность использования рунопевцами, карелами и финнами-ижорами, синтаксических особенностей усваиваемого ими языка соседней народности, в данном случае русского языка.

Поэтому не удивительно, что этот поэтический прием сохраняет свое значение и в советских рунах карельских сказителей, а также в оригинальных и переведенных революционных песнях финских рабочих, получивших после Великой Октябрьской социалистической революции распространение и в Советской Карелии.

В финском переводе международного революционного гимна «Интернационал» встречаются строки с инверсией, заключающейся в превращении послелогов в предлоги и с инверсией, выраженной в постановке генитивного определения после определяемого слова. Это видно из следующих строк финского перевода «Интернационала»:

(буквально):

Eestä leivän, hengen, kunniamme, Yössä sorron, turmion... Varat kansan hankkimat on menneet... TVLK ⁶ Helsinki, 1913, стр. 3—4.	За хлеб, жизнь, нашу честь, В ночь угнетения, гибели... Средства, народом добытые, израсходованы...
--	--

¹ А. Н. Баландин. Язык мансийской сказки. Л. 1939, стр. 51, § 178.

² Wiedemann. Gramm. der ehstnische Sprache.

³ E. Laugaste. Valimik Eesti rahvalaule. Tallin, 1948, стр. 267, 270, 287.

⁴ Там же. Стр. 261, 279.

⁵ E. Laugaste. Valimik Eesti rahvalaule. Tallin, 1948, стр. 261, 279.

⁶ TVLK — Työväen Laulukirja.

В приведенных случаях инверсия придает финским революционным песням динамичность, напряженность, эмоциональную выразительность, хорошо гармонирующую с их революционным содержанием.

Количество примеров инверсии разных типов, встречающейся в финских революционных песнях, можно было бы значительно расширить, но и приведенных случаев достаточно, чтобы установить, что инверсия занимает заметное место в поэтическом синтаксисе финских революционных песен.

Преемственность в использовании инверсии отмечается и в советских рунах карельских сказителей. Необходимо отметить, что инверсии первого типа, и в частности инверсии, дающие превращение послелогов в предлоги, встречаются в этих рунах несколько реже, чем инверсии других типов. Так, например, в рунах севернокарельской сказительницы М. Михеевой: «Революция свершилась», «Ленинские заветы», «Отечественная война», «Новое Сампо», «Электропильщики» можно отметить множество разных случаев применения инверсии различных типов:

Puskista Puna-armeijamme... Valtiostamme Venäjän КЭП, 193	Из пушек Красной Армии... В государстве нашем русском
Alta ahjon Ilmarisen КЭП, 197	Из-под горна Ильмаринена
Mielessä satojen miesten, Sydämessä miljoonien КЭП, 198	В мыслях сотен мужчин, В сердцах миллионов
Piäty piällä Petroskoin... Piältä pilvijen pimeijen КЭП, 204	Оказался над Петрозаводском... Из-за туч темных
Voitosta muan Venäjän, Nousennasta neuvostojen КЭП, 215	От победы земли России, От поднимающихся Советов
Keksi, lyö kesellä puuta КЭП, 216	Багор, воткнись в середину дерева
Muokkuamahan muat Kalevan... Opista ice Ilmarisen... Alta ahjon, piältä paljan... Ijätenki töistä Ilmarisen... Virret Väinön vielä kuuluu... Kunnia kauniin Karjalamme... Soitto kauniin kanteleemme КЭП, 217	Вспахивать поля Калевы... Из знания самого Ильмаринена... Под горнилом, над молотом... Вечно из трудов Ильмаринена... Песни Вяйне еще слышны... Честь красивой Карелии нашей, Звуки красивого кантеле нашего
Eestä onnen lapsiemme, Eestä rauhan, Synnyinmaamme «Totuus», 1 Мая 1955 г.	За счастье детей наших, За мир, Родину нашу.

В советских рунах других карельских сказителей инверсия играет столь же заметную роль. Во многих новых рунах севернокарельской сказительницы Е. Хямяляйнен встречаются различные виды инверсии. Ограничимся лишь одним примером из последней по времени публикации руны этой сказительницы:

Huomenunta talvimetsän
Täällä häiritse ei mikään
«Punalippu», 1955, № 1.

Утренний сон зимнего леса
Здесь не нарушит никто.

Анализ случаев использования инверсии в рунах позволяет сделать некоторые выводы не только в отношении карельской и финской народной поэзии. Очевидно, поэты, пишущие на финском языке, вполне правомерно прибегают к помощи этого средства поэтического синтаксиса рун. Это помогает им находить особые интонации, специфическую эмоциональную окраску, отчетливо передавать взволнованность героев своих произведений.